

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Вопросъ о безсмертіи души *).

I.

Допустимъ на минуту, что вѣра въ безсмертіе оставила бы совсѣмъ человѣчество. Допустимъ, что люди узнали бы съ несомнѣнностію, что они смертны, что съ послѣднимъ вздохомъ ихъ земного бытія кончается и ихъ бытіе вообще, съ послѣднимъ судорожнымъ движеніемъ тѣла прекращается и послѣднее ощущеніе духа. Съ глубокой древности находились лица, которыя учили о преходимости, тлѣнности и конечности человѣческаго духа, но, во 1-хъ, этихъ лицъ было въ сущности очень мало по сравненію съ остальной безконечно-большою массою человѣчества; во 2-хъ, кто знаетъ, можетъ-быть въ глубинѣ своей души они носили смутную надежду, что ихъ воззрѣнія ошибочны, и что послѣ ихъ земной смерти для нихъ начнется новая не бесная жизнь. Но допустимъ, что въ будущемъ не отдѣльныя лица, а все человѣчество придетъ—и не къ сомнительной вѣрѣ, а къ несомнѣнному убѣжденію, что не существуетъ безсмертія, что все, что составляетъ человѣка, преходяще. Спросимъ себя: измѣнитъ ли тогда свой характеръ жизнь человѣчества на землѣ, или она будетъ продолжать свое движеніе по тому же пути, по которому движется въ теченіе тысячелѣтій? Смыслъ нашего вопроса заключается въ томъ: вѣра въ безсмертіе имѣетъ

*) Изъ чтеній по „Введенію въ Богословіе“.

ли на самомъ дѣлѣ важное практическое значеніе для человѣчества, или это только аксессуаръ въ его жизни?

На этотъ вопросъ я отвѣчу можетъ-быть совершенно неожиданнымъ образомъ. Вѣра въ безсмертіе не была доселѣ важнымъ рычагомъ, управлявшимъ жизнію человѣчества, и въ жизни большинства людей она не имѣетъ почти никакого практическаго значенія. Человѣческій родъ приникъ къ землѣ, и заботами объ земныхъ интересахъ исчерпывается весь смыслъ его существованія. Спросите самихъ себя, посмотрите на окружающихъ васъ людей,—я имѣю въ виду исключительно только вѣрующихъ,—и вы увидите, что они всецѣло поглощены земными интересами. Даже умирая, они думаютъ гораздо болѣе о покидаемой ими землѣ, чѣмъ объ ожидающемъ ихъ небѣ. Это они обыкновенно выражаютъ въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ. Въ священные предсмертныя минуты судьба ихъ близкихъ и родственниковъ, видно, интересуется ихъ болѣе, чѣмъ будущая судьба ихъ самихъ. Даже люди высокой духовной жизни повидимому неохотно покидали и покидаютъ землю. Если мы отъ единичныхъ примѣровъ обратимся къ исторіи цѣлыхъ народовъ, то увидимъ, что и тамъ вѣра въ безсмертіе имѣетъ болѣе важное значеніе въ церемоніяхъ и на словахъ, чѣмъ въ практической жизни. Торжественныя похороны, устрояемыя людьми живущими умершимъ, служатъ вѣдь болѣе выраженіемъ естественнаго уваженія къ умершимъ и естественной скорби о вѣчной разлукѣ съ ними, чѣмъ вѣрою въ то, что они живы. Еслибы послѣдняя вѣра была сильна и дѣйствительна, то тогда скорбь объ умершихъ должна была бы стать слабѣе и торжественное почитаніе ихъ памяти должно бы было уступить мѣсто молитвамъ объ улучшеніи ихъ загробной участи. Точно также въ той заботливости, которую обнаруживаютъ всѣ къ тому, что будутъ говорить о нихъ послѣ ихъ смерти, мнѣ кажется, совершенно напрасно усматриваютъ отзвукъ вѣры въ безсмертіе. Кто твердо вѣритъ въ таковое безсмертіе, тотъ вѣритъ также, что разнорѣчивыя мнѣнія о его лицѣ въ концѣ концовъ должны уступить мѣсто истинному знанію о его дѣлахъ, словахъ и помысленіяхъ, что, когда наступитъ послѣдній день, его совѣсть сдѣлается открытою книгой, и что тогда вопросы: «что будутъ думать?» и «что скажутъ?»—не будутъ имѣть никакого значенія. Тамъ, гдѣ культура на землѣ явилась всего ранѣе, мысль о безсмертіи—если

и существовала—всегда стояла на заднемъ планѣ. Особенно рѣзко это можно видѣть у евреевъ. Посмотрите: наиболѣе благочестивые изъ нихъ въ награду за свои добродѣтели требуютъ или просятъ себѣ земного благополучія и, когда умираютъ, то молятъ не о себѣ, а о своемъ народѣ и о своихъ потомкахъ. Я не хочу этимъ сказать, что евреи не вѣрили въ безсмертіе, я только думаю, что эта вѣра имѣла очень ничтожное вліяніе на ихъ практическую жизнь. То же самое приходится сказать объ Ассиро-вавилонянахъ. Въ Китаѣ и Индіи ученіе о безсмертіи очень рано даже официально было отодвинуто на задній планъ. У народовъ некультурныхъ, воззрѣнія которыхъ носятъ анимистическій характеръ, развита вѣра въ безсмертіе, но она отражается только на ихъ похоронныхъ церемоніяхъ и на нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядахъ, но не на ихъ жизни: они живутъ интересами минуты. Такъ въ сущности было всегда и вездѣ. Различіе состоитъ только въ томъ, что дикаря всецѣло поглощаютъ интересы минуты, а культурнаго человѣка, имѣющаго болѣе широкій кругозоръ, поглощаютъ заботы о болѣе продолжительномъ періодѣ времени. Такъ вообще всегда и вездѣ мы встрѣчаемъ два ряда повидимому трудно согласимыхъ между собою фактовъ: во 1-хъ, широкое—если хотите, всеобщее—распространеніе вѣры въ безсмертіе человѣческой души и, во 2-хъ, весьма слабое вліяніе этой вѣры на практическую жизнь. Однако, если мы задумаемся въ это совмѣстное существованіе двухъ повидимому противоположныхъ родовъ фактовъ, то оно, кажется, явится для насъ вполне понятнымъ, хотя и должно быть признано ненормальнымъ. Различнаго рода факторы произвели въ человѣкѣ вѣру въ безсмертіе души. Факторами этими могли быть психологическія наблюденія, логическія умозаключенія, откровеніе свыше, но другого рода факторы сдѣлали для человѣка пріятною земную жизнь, и онъ подчинился практическому вліянію этихъ послѣднихъ, имѣя теоретическія представленія, выработанныя подъ воздѣйствіемъ факторовъ перваго рода. Этотъ разладъ теоріи съ практикой, вѣрованій съ жизнью мы вѣдь наблюдали и наблюдаемъ постоянно на себѣ и на другихъ, и этотъ дуализмъ, кажется, объяснимъ только съ точки зрѣнія христіанскаго ученія.

Сказать человѣку, что все бытіе его ограничивается земнымъ существованіемъ, значитъ отнять смыслъ у этого существованія.

Если земная жизнь не есть приготовленіе къ жизни небесной, то для нея нельзя установить никакихъ обязательныхъ нормъ, нельзя предложить никакой обязательной теоріи. На самомъ дѣлѣ, еслибы намъ выяснили, что для насъ все кончается смертью, то какую задачу по отношенію къ жизни мы могли бы признать разумною и намѣтить себѣ? Безъ сомнѣнія, задачу извлечь наиболѣе пріятныхъ ощущеній изъ жизни. Въ чемъ должно полагать пріятное, это зависитъ отъ темперамента и привычекъ. Одни любятъ вино, другіе—женщинъ, третьи—спортъ, т.-е. состязаніе того или иного рода: бѣга, карты, политику, охоту, войну. Когда-то давно, и не помню гдѣ, мнѣ пришлось читать нравственный катехизисъ одного откровеннаго матеріалиста; можетъ быть я не вполне точно передамъ его слова, но я ручаюсь, что не искажу ихъ смысла. «Хорошо опьяненіе, хорошо наслажденіе, хороша любовь,—говоритъ онъ,—хороша вѣрность, когда она цѣнится выше преступленія, но хорошо также и преступленіе, когда оно цѣнится выше вѣрности. Хорошъ бракъ, когда онъ доставляетъ наслажденія, но хорошо также прелюбодѣянiе для того, кому наскучилъ бракъ и кто любитъ замужнюю особу. Хороши обманы, воровство, клятвопреступленіе и убійство, когда они доставляютъ пользу и наслажденіе. Хороша жизнь, пока она составляетъ загадку, но хороша также и смерть для того, кому наскучила жизнь и кто разгадалъ эту загадку. А такъ какъ высшій пунктъ всякаго наслажденія есть разочарованіе и проза, то поэтому истинно-мудрымъ можетъ быть названъ лишь тотъ, кто принимаетъ синильную кислоту и умираетъ мгновенно». Въ этомъ катехизисѣ краски не сгущены намѣренно. Если у васъ нѣтъ принциповъ и нѣтъ надеждъ, говоритъ онъ, то берите отъ жизни то, что она можетъ дать вамъ, дѣлайте наиболѣе пріятное для себя: если вамъ доставляетъ удовольствіе дѣлать добро ближнимъ, дѣлайте;—если вамъ нравится обманывать ихъ,—обманывайте. Человѣкъ, не вѣрящій въ безсмертіе и сознательно относящійся къ окружающимъ явленіямъ, долженъ признать безусловную правду изложеннаго катехизиса. Особенно справедливымъ должно быть признано его заключеніе, что наиболѣе мудрые люди суть самоубійцы. На самомъ дѣлѣ, погоня за наслажденіями рѣдко, вѣдь, бываетъ удачной, да и за получаемыя наслажденія приходится платить дороною цѣной. Послѣ однихъ наслажденій приходится испытывать физическія страданія.

Они являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ употребленія вина, гашиша, морфія и другихъ наркотиковъ. Послѣ другихъ наслажденій приходится испытывать жгучій нравственный стыдъ, а дать безсрочный отпускъ своей совѣсти не легко и для человѣка не вѣрующаго въ безсмертіе. Наслажденія эстетическія не даютъ послѣ себя такого горькаго мучительнаго осадка, какъ наслажденія чувственныя; но чтобы возвыситься до возможности пользоваться ими, нужно много трудиться надъ своимъ собственнымъ развитіемъ. Затѣмъ, всѣмъ эстетикамъ приходится часто испытывать чувство эстетической неудовлетворенности: имъ нужны постоянно новыя возбужденія, новыя произведенія искусства, а имъ предлагаются суррогаты, создаваемые бездарностями. Являются чувства неудовлетворенности, тоски и скуки. Подкладкою, лежащею въ основаніи самыхъ разнообразныхъ стремленій къ наслажденію, является стремленіе къ забвенію. Ученый въ алгебраическихъ вычисленіяхъ, въ изслѣдованіи археологическихъ памятниковъ уходящій отъ окружающей дѣйствительности и создающій свой собственный міръ,—эстетикъ, уносимый сонатою Бетховена въ міръ грёзъ и фантазій,—потребитель гашиша, наслаждающійся блаженствами рая,—всѣ они живутъ иллюзіей и хотятъ отдѣлаться отъ дѣйствительности. Но самое лучшее средство избавиться отъ впечатлѣнія гнетущей дѣйствительности это, конечно, ядъ или пуля. Безмятежный покой можно найти только въ могилѣ. Для человѣка, служащаго интересамъ разума и не вѣрящаго въ безсмертіе духа, этотъ выводъ долженъ представляться неизбѣжнымъ, потому что при отрицаніи безсмертія дѣятельность научная, художественная теряютъ свою *raison d'être*,—и человѣкъ и человѣчество нѣкогда погибнутъ безслѣдно. Для чего же вся эта масса труда, горя, страданій, неразрывно соединенная со всякою дѣятельностью? Все это суета, какъ предположилъ нѣкогда ветхозавѣтный мудрецъ, суета и произволеніе духа. Одинъ итальянскій пессимистъ, отрицавшій безсмертіе и всматривавшійся въ человѣческія страданія, кошунственно представилъ себѣ Высшее Существо въ видѣ какого-то сладострастно-жестокаго тиранна, создавшаго маленькія, безпомощныя, слабыя и однако способныя страдать и сострадать твари, чтобы наслаждаться картиною ихъ мученій. Такъ, отрицаніе жизни загробной ведетъ къ признанію, что и жизнь земная есть явленіе злое и неразумное.

Съ этимъ выводомъ не можетъ примириться естественное человѣческое чувство, и вотъ человѣчество въ лицѣ большинства своихъ членовъ включило ученіе о безсмертіи въ одинъ изъ параграфовъ своихъ вѣрованій; но включивши его въ число признаваемыхъ имъ истинъ, оно по-прежнему оставалось поглощеннымъ интересами минуты, по-прежнему стремилось и стремится къ получению наибольшей суммы земныхъ благъ, не ратуя о приобрѣтеніи благъ небесныхъ. Нельзя сказать, чтобы человѣчество, руководясь въ данномъ случаѣ правилами одной грубоватой, но мѣткой русской пословицы, дѣйствовало совсѣмъ безсознательно. Съ одной стороны, человѣчество пришло къ заключенію, что вѣра въ безсмертіе должна быть необходимымъ постулатомъ, необходимымъ предположеніемъ для того, чтобы сообщить разумный характеръ жизни; съ другой стороны, человѣчество сознавало, что оно не только не можетъ доказать факта этого безсмертія, но не можетъ и представить его. Попытки изобразить загробную жизнь всегда выходили блѣдными и неудачными. Отъ царства тѣней, гдѣ живутъ умершіе, вѣтъ духомъ небытія, и вслѣдствіе этого слагались умозаключенія древнихъ, что живому рабу лучше, чѣмъ мертвому царю, и что участь живого пса болѣе завидна, чѣмъ участь мертвого льва. Такъ, если у людей, отрицавшихъ и отрицающихъ безсмертіе, можно подозрѣвать существованіе нѣкоторой надежды на то, что они безсмертны, то и наоборотъ, у людей, признающихъ безсмертіе, можно подозрѣвать существованіе смутнаго опасенія, что можетъ-быть безсмертія нѣтъ, что нѣтъ никакого ни рая, ни ада, и что пусто какъ вверху надъ звѣздами, такъ и внизу подъ землею. Если этико-логическія требованія приводили человѣка къ предположенію, что его духъ безсмертенъ, то, съ другой стороны, инныя размышленія и психологическія наблюденія и вообще факты часто должны были склонять его къ мысли, что онъ безусловно смертенъ. На самомъ дѣлѣ, человѣкъ могъ размышлять такимъ образомъ: все то, что возникаетъ, должно и уничтожаться; все возникающее возникаетъ изъ чего-нибудь и, слѣдовательно, опять можетъ распасться на тѣ элементы, изъ которыхъ оно возникло. Если я не существовалъ назадъ тому 30 лѣтъ, то очень можетъ быть, что и черезъ 30 лѣтъ я тоже не буду существовать. Если въ теченіе миллионовъ вѣковъ вселенная существовала безъ меня, то неужели теперь она поставлена въ печальную необходимость

милліоны вѣковъ влачить свое существованіе, включая и меня въ свой составъ, какъ неизбѣжную, хотя и ничтожную единицу, отъ которой она не можетъ отдѣлаться?... Да и не заключаетъ ли въ себѣ нѣчто ужасное самая мысль о томъ, что вѣдь и я никогда не могу отдѣлаться отъ своего я? Помните, въ одной поэмѣ падшій небесный духъ хочетъ уничтожить самого себя, но всѣ попытки, предпринимаемыя имъ, оказываются безуспѣшными. Его не мучатъ и не преслѣдуютъ, онъ можетъ дѣлать что хочетъ и какъ хочетъ, онъ не можетъ только перестать существовать. И, вѣдь, въ этомъ сознаніи своего безсилія поступить съ собою какъ угодно можетъ заключаться источникъ жгучаго страданія. Когда вы не можете отдѣлаться отъ какой-либо мысли или представленія, вамъ непріятныхъ, то вы уже испытываете нѣкоторое страданіе; но какъ должно усилиться это страданіе, до какихъ колоссальныхъ размѣровъ должно разростись оно, когда вы увидите, что не можете отдѣлаться ни отъ одной мысли, ни отъ одного представленія, ни отъ одного чувства, вами пережитыхъ и испытанныхъ?! Въ длинномъ ряду воспоминаній всегда найдется много такихъ, которыя было бы нежелательно выдвигать въ поле сознанія, но разъ ваше «я» со всѣмъ, что оно испытало въ теченіе пережитыхъ вами годовъ, будетъ все и постоянно ясно представлять вашему сознанію, эти воспоминанія будутъ грызть васъ, какъ фурии, и вы не найдете никакого анестезирующаго или потемняющаго сознаніе средства которое притупило бы испытываемую вами жгучую боль. Всякая боль усиливается при представленіи, что она будетъ продолжаться долго; но какъ должна усилиться она, когда соединится съ представленіемъ, что она будетъ продолжаться вѣчно, что она неотдѣлима отъ меня, что я не могу уничтожить ее въ себѣ точно такъ же, какъ и вселенная не можетъ отдѣлаться отъ моей личности?! Согласитесь, что это ужасно!

Но должно-ли и будетъ-ли существовать это ужасное? Изучая явленія душевной жизни, человѣкъ могъ накопить много наблюдений, приводящихъ къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Прежде всего передъ нимъ всюду, какъ несомнѣнный, являлся тотъ фактъ, что духъ существуетъ совмѣстно съ тѣломъ, что безъ тѣла не являются ни мысли, ни чувства, ни желанія. Между тѣмъ несомнѣнно, что тѣло разруσιμο... Отсюда естественно заключать, что и духъ угасаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Человѣкъ

видитъ, что духъ развивается совмѣстно съ тѣломъ. У новорожденного ребенка нѣтъ сознанія своей личности: крѣпнеть тѣло,—крѣпнеть и духъ; ослабляется тѣло,—ослабляются и проявленія душевной жизни. Maximum развитія душевной жизни совпадаетъ съ maximum'омъ тѣлеснаго развитія. Между minimum'ами того и другого существуетъ тотъ же параллелизмъ. Изслѣдованія фізіологическія и психофізіологическія показываютъ, что развитіе тѣхъ или иныхъ душевныхъ способностей находится въ строжайшемъ соотвѣтствіи съ развитіемъ тѣхъ или иныхъ тѣлесныхъ органовъ. Многіе законы локализациі способностей уже открыты. Можно иногда заранѣе предсказать, разъ мы замѣчаемъ у извѣстнаго субъекта какое-либо психическое расстройство, поврежденность у него такой-то части мозга. И наоборотъ, если въ анатомическомъ театрѣ при вскрытіи мозга мы видѣли поврежденность той или иной его части, мы имѣемъ полное право заключать, что владѣлецъ этого мозга страдалъ такимъ-то психическимъ расстройствомъ. Правда, у старыхъ психологовъ и въ нѣкоторыхъ новыхъ апологетико-психологическихъ изслѣдованіяхъ вы можете найти повѣствованія о такихъ фактахъ, что при вскрытіи нѣкоторыхъ субъектовъ оказывалось, что ихъ мозгъ былъ совсѣмъ или почти совсѣмъ разрушенъ, между тѣмъ какъ при жизни они отличались ясностью мысли и свѣтлымъ умомъ и никогда не обнаруживали признаковъ душевнаго расстройства. Можете найти, далѣе, рассказы о томъ, какъ люди, страдавшіе душевными болѣзнями и имѣвшіе мозгъ уже совершенно расстроеннымъ, предъ концомъ жизни обнаруживали просвѣтлѣніе сознанія. Какъ отнестись къ этимъ фактамъ? Мы думаемъ, что всякій имѣетъ право объявить ихъ незаслуживающими довѣрія. Дѣло въ томъ, что всѣ эти рассказы о совмѣстномъ существованіи нормальной душевной дѣятельности и ненормальнаго устройства мозга, всѣ эти рассказы страдаютъ нѣкоторою неясностью и отсутствіемъ научной точности. Обыкновенно лица, передающія ихъ, не указываютъ вамъ, гдѣ и когда произошли тѣ удивительныя явленія, о которыхъ они говорятъ. Обыкновенно эти рассказы начинаются такъ: «одинъ пасторъ рассказывалъ»... или «одинъ извѣстный докторъ (причемъ имя этого извѣстнаго доктора обыкновенно не приводится) говоритъ, что въ его практикѣ было много такихъ случаевъ»... Всюду въ этихъ изложеніяхъ, если, на примѣръ, они пи-

шутся по-французски или по-нѣмецки или по-англійски, слишкомъ часто фигурируетъ неопредѣленный членъ. Между тѣмъ въ такихъ случаяхъ,—а ихъ безчисленное множество, — когда приходится членъ неопредѣленный замѣнять членомъ опредѣленнымъ, не оказывается ничего подобнаго. Вотъ потому мы думаемъ, что ко всѣмъ такимъ рассказамъ каждый имѣетъ право отнестись скептически. Но если это такъ, то значитъ положеніе, что каждое душевное состояніе обусловлено опредѣленнымъ эквивалентнымъ тѣлеснымъ состояніемъ, нисколько не поколеблено. Находя себѣ постоянное подтвержденіе и въ жизни отдѣльныхъ личностей, и въ жизни народовъ, это положеніе заставляетъ опредѣлять отношеніе души къ тѣлу такъ, какъ еще въ древности считали возможнымъ опредѣлять ихъ: душа относится къ тѣлу какъ гармонія къ лирѣ (см. въ Федонѣ Платона). Хорошо настроена лира,—она издаетъ гармоническіе звуки. Если она настроена плохо, тогда изъ нея извлекаются звуки, лишенные мелодіи. Разрушается лира,—исчезаетъ и гармонія. Такъ и душа съ тѣломъ. *In corpore sano mens sana*: болѣетъ тѣло,—болѣетъ и духъ; разрушается тѣло,—исчезаетъ и духъ.

Какъ разобратъся намъ среди этихъ противорѣчивыхъ возможностей?

Съ одной стороны, безсмертіе крайне желательно, съ другой—въ мысли о немъ заключается нѣчто страшное. Фактическихъ доказательствъ безсмертія мы не имѣемъ. Сказанія о воскрешеніяхъ, о явленіяхъ умершихъ духовъ отдѣлены отъ насъ громаднымъ пространствомъ и временемъ. А тамъ, гдѣ они стоятъ къ намъ близко, они имѣютъ подозрительное происхожденіе.

Почитайте бюллетени о спиритическихъ явленіяхъ; съ одной стороны самый характеръ сообщеній таковъ, что въ большинствѣ случаевъ можно предположить возможность обмана, самообмана и неправильнаго истолкованія фактовъ; съ другой стороны—крайне страннымъ представляется то, что являющіеся духи отличаются дѣтскою наивною, говорятъ неосновательно и очень неправдиво.

Вотъ почему мы и считаемъ себя вправѣ не вѣрить имъ. Но чему же вѣрить и что отвѣчать на вѣчно старый и вѣчно новый вопросъ: будемъ или не будемъ мы жить послѣ смерти?

У Тургенева въ ряду его «*Senilia*» есть отвѣчающій на этотъ вопросъ слѣдующій рассказъ: невѣрующій писатель и его вѣру-

ющій другъ часто спорили между собой о загробной жизни. Вѣрующій сказалъ однажды: ты надо всѣмъ смѣешься; но если я умру прежде тебя, то я приду къ тебѣ съ того свѣта... Увидимъ, засмѣешься ли ты тогда. И онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, и прошли годы, и писатель забылъ объ его обѣщаніи и объ его угрозѣ. И вотъ, однажды ночью, когда писатель лежалъ на кровати и въ комнатѣ царилъ сѣдой полумракъ, ему почудилось, что между двухъ оконъ стоитъ его соперникъ и тихо и печально качаетъ сверху внизъ головою... Послѣ долгаго наблюденія писатель спросилъ: «что, ты торжествуешь или жалѣешь? что это—предостереженіе или упрекъ? Или ты хочешь дать мнѣ понять, что ты былъ не правъ, что мы оба были не правы? Что ты испытываешь, муки ли ада, блаженство ли рая, — промолви хоть слово?» Но соперникъ не издалъ ни одного звука и только по прежнему печально и покорно качалъ головою сверху внизъ. Я, говоритъ авторъ, засмѣялся... онъ исчезъ. Въ этомъ разсказѣ, мнѣ кажется, заключается гораздо болѣе правды, чѣмъ въ повѣствованіяхъ о спиритическихъ явленіяхъ. Я наблюдалъ на себѣ и имѣлъ случай проверять на другихъ, что, когда умершіе близкіе являются намъ во снѣ, отъ нихъ всегда вѣетъ духомъ небытія. Но не будемъ спѣшить съ выводами изъ подобнаго рода фактовъ. Постараемся найти иной рядъ фактовъ, который явился бы вѣрнымъ ключомъ для рѣшенія занимающаго насъ великаго вопроса. И если уже безспорное научное рѣшеніе этого вопроса невозможно по существу, то, по крайней мѣрѣ, пусть эти факты опредѣляютъ намъ степень вѣроятности того или иного его рѣшенія.

II

Въ III-емъ вѣкѣ въ христіанской церкви возникла своеобразная ересь психопанихитовъ.

Психопанихиты учили, что душа человѣка умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ и вмѣстѣ съ тѣломъ воскресаетъ въ день послѣдняго суда. Если я не ошибаюсь, объ этой ереси и ея происхожденіи имѣется мало свѣдѣній. Но можно съ несомнѣнностью полагать, что она возникла главнымъ образомъ подъ вліяніемъ психологическихъ и метафизическихъ спекуляцій ея авторовъ и только отчасти подъ вліяніемъ неправильнаго толкованія имѣвшихся у еретиковъ источниковъ вѣроученія. Эту ересь очень энергично

обличалъ Оригенъ, и она исчезла вскорѣ послѣ того, какъ возникла. Въ исторіи развитія психологическихъ воззрѣній она явилась компромиссомъ между матеріализмомъ, утверждающимъ, что душа не можетъ существовать безъ тѣла, и спиритуализмомъ, утверждающимъ духовность и безсмертность души, и, какъ и большинство компромиссовъ, эта теорія не удовлетворила никого. Однако было бы ошибочно думать, что послѣ неудачныхъ попытокъ прошедшаго—въ вопросѣ о безсмертіи духа существуютъ только утвердительная и отрицательная теоріи и нѣтъ между ними промежуточныхъ ученій, представляющихъ компромиссы между тою и другою теоріей. Нѣтъ, такіа промежуточные теоріи имѣются, и онѣ настолько осложнили вопросъ о безсмертіи, что самый этотъ вопросъ въ его древнѣйшей и простой постановкѣ можно признать логически неправильнымъ. На вопросъ: безсмертна или смертна душа, многіе въ настоящее время отвѣчаютъ такъ: частью смертна, частью безсмертна.—личность смертна, а тѣ элементы, изъ которыхъ она складывается, безсмертны; или говорятъ, что душа есть случайное проявленіе вѣчнаго начала, или можетъ-быть скажутъ что-нибудь еще иное. Ставя вопросъ о безсмертіи духа, мы соединяли съ нимъ традиціонный смыслъ, который всегда соединяла съ нимъ религія и обыкновенное человеческое сознаніе: *безсмертны ли мы, какъ индивидуумы съ извѣстными определеннымъ прошлымъ, за которое мы ответственны передъ другими, или другіе ответственны передъ нами?* Вопросъ такъ поставленный можетъ быть правильно рѣшенъ лишь тогда, когда мы выяснимъ, что такое наша душа и наша личность. Къ выясненію этого мы теперь и обратимся.

Въ ряду имѣющихся въ психологіи настоящаго времени теорій о сущности души я выбираю 4, которыя мнѣ представляются наиболѣе характерными и изъ критическаго разбора которыхъ, кажется, можно вывести съ вѣроятностію положительное рѣшеніе занимающаго насъ вопроса. Я называю эти теоріи слѣдующими именами: 1) теорія матеріализма, 2) теорія психическаго атомизма, 3) теорія пантеизма и 4) теорія психическаго индивидуализма.

1) По теоріи матеріализма—душа есть функція тѣла. Поэтическое выраженіе этой теоріи мы дали выше въ словахъ, взятыхъ изъ Платона, что душа относится къ тѣлу какъ гармонія къ лирѣ.

Основаніемъ для этой теоріи служитъ механическое міровоз-

зрѣніе. Всѣ явленія природы, вся ея жизнь представляютъ собою рядъ превращеній вещества и энергіи: алмазь превращается въ уголь, водородъ и кислородъ — въ воду, свѣтъ — въ теплоту, электричество и т. д. Однимъ изъ видовъ превращенія энергіи является и человѣческая душа. Она есть временный *modus* вещественной міровой энергіи. Извѣстныя количества матеріи и силъ даютъ плодомъ своего соединенія душу; всѣ измѣненія въ количествахъ матеріи и силъ влекутъ за собою измѣненія въ душѣ; вся душевная дѣятельность есть трата вещества и энергіи, которыя отдаются человѣкомъ природѣ и подвергаются въ ней новымъ превращеніямъ. Душа съ этой точки зрѣнія есть такое же временное и случайное явленіе, какъ радуга или сѣверное сіяніе. Должно признать, что въ ряду различныхъ ученій о душѣ изложенное представляетъ собою такое, которое можетъ быть легче всего опровергнуто. Душу — съ точки зрѣнія этой, излагаемой нами, матеріалистической теоріи — характеризуетъ способность ощущеній; матерія характеризуется отсутствіемъ этой способности. Спрашивается: какимъ образомъ ощущенія могли возникнуть изъ неоощущеній? Матеріалисты отвѣчаютъ намъ на это теоріей превращеній вещества и энергіи; но какъ ни покажется это парадоксальнымъ, однако можно сказать, что съ точки зрѣнія современнаго естествознанія въ природѣ не происходитъ никакихъ превращеній энергіи или вещества. Весь процессъ міровой жизни, согласно механико-атомистическому міровоззрѣнію, состоитъ въ томъ, что во вселенной движется по всевозможнымъ направленіямъ со всевозможными скоростями безчисленное количество атомовъ. Сталкиваясь между собою, эти атомы измѣняютъ взаимоотношенія, направленія и скорости. Атомы не подвергаются никакимъ превращеніямъ, движеніе тоже ни во что не превращается, но остается движеніемъ, только различныя сочетанія атомовъ и различныя скорости движенія являются для насъ различными видами матеріи и различными видами физическихъ силъ. Еслибы наши органы чувствъ были совершенными, то тогда вмѣсто воды мы увидали бы своеобразныя комбинаціи водорода и кислорода и вмѣсто лучей свѣта — атомы эфира, колеблющіеся со скоростью 280 тысячъ верстъ въ секунду. Такимъ образомъ всѣ превращенія въ физической природѣ имѣютъ въ сущности субъективный характеръ. Нѣтъ нужды спорить, что иначе происходитъ дѣло въ явленіяхъ растительной и животной фізіоло-

гіи. Но совсѣмъ другое дѣло — психическія явленія. Мы не можемъ мыслить ощущеніе, какъ родъ движенія, и не можемъ представить себѣ никакой геометрической комбинаціи матеріальныхъ атомовъ, функцией которыхъ могло бы явиться ощущающее начало. Мы съ несомнѣнностію можемъ утверждать, что ощущеніе никакимъ образомъ не можетъ явиться результатомъ или функцией тѣхъ свойствъ, которыя открыли и изслѣдуютъ въ матеріи — физика, химія и минералогія. Съ другой стороны, мы ничего въ сущности не можемъ возразить противъ того, что всѣ существа и предметы, которые мы видимъ и наблюдаемъ, суть исключительно продукты матеріи и движенія, потому что все, что открывается непосредственно нашему наблюденію, есть не болѣе какъ движущаяся матерія. Звуки голоса представляютъ собою, вѣдь, не болѣе какъ движущійся воздухъ. Житейскій опытъ научилъ насъ не вполне довѣрять имъ, когда въ нихъ слышится безумная страсть, безавѣтная преданность, любовь или ненависть, тоска или счастье; мы знаемъ, что эти звуки могутъ насъ обманывать, и стараемся не поддаваться ихъ обаянію. Но, размышляя, мы приходимъ къ тому, что эти звуки не только могутъ невѣрно отражать психическое состояніе того, кто ихъ производитъ, но могутъ быть и не связаны ни съ какимъ психическимъ состояніемъ, могутъ быть только дрожаніемъ воздуха, производимымъ тѣмъ или инымъ аппаратомъ. Правда, въ насъ самихъ они всегда оказываются связанными съ рядами ощущеній, но только по аналогіи мы можемъ заключать, что и въ другихъ подобныхъ намъ созданіяхъ между ощущеніями и ими существуетъ такая же связь. За всѣмъ тѣмъ ощущенія вездѣ являются необъяснимымъ придаткомъ къ явленію, невыводимымъ ни изъ какихъ извѣстныхъ намъ условій. Естественнаучный анализъ показываетъ намъ, что всѣ явленія міра матеріальнаго суть въ сущности явленія движенія; явленія психическія, — очень можетъ быть, всегда сопровождающіяся опредѣленными движеніями матеріальныхъ атомовъ, — однако не суть ни ихъ движеніе, ни результатъ ихъ движенія. Эти факты заставляютъ насъ признать безусловно несостоятельную матеріалистическую теорію сущности души и обратиться къ разсмотрѣнію другихъ ученій объ этой сущности.

Лица, держащіяся изложенной и разобранной нами теоріи, всегда удовлетворяютъ 2-мъ условіямъ: во 1-хъ, они плохо знакомы съ науками о матеріи и, во 2-хъ, они совсѣмъ не знакомы съ на-

уюко о душѣ. Достаточно выяснитъ имъ основанія первыхъ и заставить познакомиться съ элементами второй, чтобъ они отреклись отъ своего ученія и увидѣли его полную несостоятельность. Въ ряду представителей современной научной мысли послѣдователей этого вульгарнаго матеріализма уже и не имѣется, (ихъ скорѣе можно находить въ пивныхъ, среди разнаго рода недоучекъ и неудачниковъ, нахватавшихся на лету разнаго рода обрывковъ мыслей и фактовъ и серьезно думающихъ, что Ньютонъ былъ послѣдователемъ позитивной философіи Конта (мнѣ пришлось однажды слышать это предположеніе, впрочемъ, отъ лица отрекомендовавшагося мнѣ оставленнымъ при университетѣ для подготовленія къ каедрѣ зоологіи). Уже давно сторонники той философіи, которая стремится объяснять все изъ относительныхъ свойствъ матеріи, увидѣли себя принужденными внести нѣкоторыя поправки и дополненія въ ученіе о матеріи. Именно они начали учить, что матеріи, кромѣ физическихъ, 2) присущи и психическія свойства. Это ученіе и явилось основаніемъ для той теоріи, которую я назвалъ теоріей психическаго атомизма. Сущность этой теоріи заключается въ слѣдующемъ. Каждому атому, кромѣ физическихъ, принадлежатъ и психическія свойства, и какъ размѣры атома имѣютъ очень малую экстенсивность, такъ его психическія свойства имѣютъ очень малую интенсивность. Экстенсивность матеріи увеличивается чрезъ простое суммированіе атомовъ, интенсивность ея психическихъ свойствъ не можетъ увеличиться такимъ простымъ способомъ. Сознаніе присуще солнцу въ такой же малой степени, какъ и молекулѣ воды. Для того, чтобы психическія свойства матеріи могли обнаружиться и усилиться, нужно, чтобъ ея атомы вступили въ своеобразную органическую связь. Изучая организмы, мы видимъ, что психическое начало обладаетъ въ нихъ тѣмъ высшими свойствами, чѣмъ сложнѣе въ нихъ связь между атомами и чѣмъ болѣе централизована эта связь. Такъ называемые низшіе организмы характеризуются простотою ихъ организаціи и слабою централизаціей органовъ. Сомнѣваются, чтобы низшія животныя владѣли сознаніемъ единства своего организма. Разрѣжьте прѣсноводную гидру на нѣсколько кусковъ, и изъ каждого куска образуется новая гидра. Спрашивается: какая изъ новыхъ гидръ явилась преемницей въ психическомъ отношеніи материнской гидры, если таковая владѣла единствомъ сознанія?

Возникающія психологическія трудности при рѣшеніи этого вопроса могутъ быть устранены лишь при допущеніи неправильности и ошибочности предположеннаго «если», т.-е. при допущеніи, что никакая гидра никогда не владѣетъ сознаниемъ единства своего организма. По мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по біологической лѣстницѣ, мы встрѣчаемъ организмы все болѣе и болѣе централизованные и видимъ въ нихъ проявленіе все высшихъ и высшихъ свойствъ; съ другой стороны, мы видимъ, что эти организмы характеризуются все болѣе и болѣе сложнымъ устройствомъ нервной системы. Последнимъ и высшимъ звеномъ въ этой лѣстницѣ является человѣкъ, какъ самосознательная личность. Съ точки зрѣнія изложенной теоріи, его *самосознаніе есть равнодѣйствующая сознаний тѣхъ атомовъ, изъ которыхъ онъ составленъ*. Представляющееся возраженіе, что атомы, изъ которыхъ слагается человѣкъ, постоянно смѣняются одни другими, самосознаніе же его остается неизмѣннымъ, устраняютъ такимъ образомъ. Психическія, какъ и физическія свойства всѣхъ атомовъ, тождественны; поэтому сущность самосознанія опредѣляется не тѣми или иными атомами, а ихъ группировкою и взаимоотношеніями. Когда на мѣсто атома А въ тѣлѣ становится тождественный съ нимъ атомъ В, а атомъ А выходитъ изъ тѣла, то въ содержаніи самосознанія человѣка не происходитъ никакой перемѣны; другое дѣло, еслибъ отношенія атома А къ прочимъ атомамъ измѣнились, тогда и въ содержаніи самосознанія произошло бы измѣненіе,—конечно, настолько ничтожное, насколько ничтожна происшедшая тѣлесная перемѣна. Съ точки зрѣнія этой теоріи, понятно, личность человѣка не можетъ быть названа тождественною во все время жизни, но этой тождественности, говорятъ, и не существуетъ на самомъ дѣлѣ: духъ человѣка остается настолько же тождественнымъ въ различные періоды жизни, насколько остается тождественнымъ его тѣло. Если же человѣкъ считаетъ свою личность неизмѣнною, то причина этому та, что измѣненія личности происходятъ съ крайнею постепенностью, причемъ измѣняющейся личности ея прошлыя психическія состоянія продолжаютъ представляться какъ ея собственныя, вслѣдствіе чего она и себя мыслить какъ ту же, которая существовала прежде, хотя на самомъ дѣлѣ она стала иною. Понятно, какъ рѣшается вопросъ о безсмертіи человѣческой души—съ точки зрѣнія изложенной теоріи. Безсмертна ду-

ша атомовъ, но смертна душа человѣка. Вмѣстѣ съ тѣлесною смертію, уничтожающею связь и централизацию между атомами, уничтожается и личность человѣка. Атомы вступаютъ въ новыя соединенія и образуютъ или не образуютъ новыя души, но сами вѣчно остаются неизмѣнными.

- 2) Теорія психическаго атомизма, безъ сомнѣнія, стоитъ неизмѣримо выше вульгарнаго ученія матеріалистовъ. По крайней мѣрѣ легко можно видѣть, что противъ нея не имѣютъ никакой силы тѣ возраженія, которыя мы направляли противъ матеріализма. Мало этого, она повидимому имѣетъ серьезныя основанія и за себя. Она опирается на два ряда фактовъ. Изученіе свойствъ матеріи привело къ безусловному господству въ наукѣ естественнаго атомизма. Изученіе органической жизни нигдѣ не обнаружило, чтобы при возникновеніи организмовъ изъ матеріи въ нихъ вводилось новое психическое начало. Изъ этихъ 2-хъ рядовъ фактовъ слѣдуетъ выводъ, что психическое начало находится въ матеріи—въ атомахъ. Таковы основанія въ пользу теоріи. Ея защитники въ настоящее время пытаются показать, что она съ успѣхомъ можетъ быть прилагается къ объясненію самыхъ разнородныхъ душевныхъ явленій, какъ обычныхъ, такъ и патологическихъ—явленій гипнотизма, раздвоенія сознанія и т. д.; однако мы думаемъ, что несостоятельность этой теоріи такъ же легко обнаружить, какъ и несостоятельность теоріи атомистической. Теорія эта въ сущности строго метафизическая и возбуждаетъ всѣ тѣ недоумѣнія, какія возбуждали старыя дуалистическія теоріи метафизиковъ. Духъ и матерія являются по этой теоріи отдѣльными субстанціями, локализованными въ атомѣ. Вопросъ объ ихъ взаимодействіи и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, очевидно, будетъ тождественъ со старымъ вопросомъ объ отношеніи между душою и тѣломъ, на который метафизики отвѣчали теоріею окказіонализма, предъставленной гармоніи и т. п. Несомнѣнно, что удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса возможно лишь при сведеніи дуализма къ монизму, т.-е. при предположеніи, что мы имѣемъ дѣло не съ 2-мя субстанціями, но съ одною; и такъ какъ разборъ матеріалистическаго ученія уже показалъ намъ, что духомъ нельзя жертвовать для тѣла, то, слѣдовательно, остается только другая возможность—пожертвовать тѣломъ для духа, признать, что наши проблематическіе атомы суть исключительно атомы психическіе, и что *ихъ физическія свойства суть не что*

инное, какъ наше субъективное воспріятіе ихъ психической дѣятельности. Очень можетъ быть, что сторонники—по крайней мѣрѣ, многіе изъ сторонниковъ—теоріи психическаго атомизма согласятся съ этимъ воззрѣніемъ. Это упроститъ дѣло и представитъ теорію въ болѣе ясномъ видѣ, но не спасетъ ея. Духовно-разумныя существа, по теоріи психическаго атомизма, образуются путемъ интеграціи психофизическихъ или психическихъ атомовъ. Безконечно малыя психическія силы, суммируясь въ громадномъ количествѣ, даютъ геній Ньютона и Лейбница. Но эта теорія стоитъ прежде всего въ противорѣчій съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что сумма равныхъ психическихъ единицъ никогда не можетъ дать собою больше, чѣмъ каждая изъ единицъ въ отдѣльности. Въ этомъ отношеніи, вѣдь, нельзя проводить аналогіи между явленіями духовнаго и матеріальнаго порядка. Если вы имѣете машину въ одну лошадиную силу и соедините 100 такихъ машинъ, то вы будете располагать 100 силами; если вы возьмете предметъ, оказывающій давленіе въ 1 пудъ на поверхность и соедините 100 такихъ предметовъ, то вы произведете давленіе на вашу поверхность въ 100 пудовъ; но представьте себѣ 100 индивидуумовъ, обладающихъ тождественными знаніями, можете ли вы сказать, что всѣ въ совокупности они знаютъ во 100 разъ больше, чѣмъ сколько каждый знаетъ въ отдѣльности? Нѣтъ, всѣ въ совокупности они знаютъ столько же, сколько каждый изъ нихъ: вопреки основнымъ теоремамъ арифметики, сумма здѣсь равна каждому изъ своихъ слагаемыхъ. Равнымъ образомъ, если мы представимъ себѣ 100 индивидуумовъ, обладающихъ равными мыслительными силами, то должны будемъ признать, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности способенъ обсудить извѣстный вопросъ такъ же, какъ и 100 вмѣстѣ. На практикѣ такого абсолютнаго равенства между лицами, конечно, мы встрѣтить не можемъ, но значительное приближеніе можно наблюдать къ нему, напримѣръ, въ школахъ, въ нѣкоторыхъ общественныхъ слояхъ. Если ученики, въ извѣстной школѣ, въ отдѣльности всѣ не могутъ рѣшить данной алгебраической задачи, то они не рѣшаютъ ея и всѣ вмѣстѣ. Въ дѣйствительности, конечно, индивидуумы, поставленные въ одинаковыя условія, различаются между собою въ нѣкоторой степени и суммою познаній, и силою мышленія; отсюда возникаютъ нѣкоторыя варіаціи, такъ что въ суммѣ индивидуумовъ знаній оказывается больше,

чѣмъ въ каждомъ изъ индивидуумовъ въ отдѣльности, но въ изслѣдуемой нами теоріи индивидуумы, т.-е. атомы, тождественны и неизмѣнны, отсюда и въ суммѣ ихъ не можетъ заключаться больше, чѣмъ въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности.) Слѣдовательно, если атомъ заключаетъ въ себѣ безконечно малую сумму психическихъ силъ, то столь же безконечно малою будетъ сумма психическихъ силъ и у безконечно большого числа атомовъ. Противъ нашихъ соображеній сторонники теоріи психическаго атомизма могутъ выдвинуть слѣдующія возраженія. Они скажутъ намъ, что повышеніе сознанія и вообще душевныхъ силъ зависитъ собственно не отъ количества атомовъ, а отъ ихъ взаимно-отношенія, отъ ихъ группировки. Гималайскія горы заключаютъ въ себѣ неизмѣримо большее количество атомовъ, чѣмъ мозгъ Менделѣева или Гельмгольца; и однако Гималайскія горы мертвы, а мозгъ названныхъ ученыхъ далъ много замѣчательныхъ открытій. Но въ основѣ этого разсужденія лежитъ грубая фальшь. Взаимоотношеніе силъ имѣетъ важное значеніе въ физическомъ мірѣ, гдѣ величина дѣйствующихъ силъ въ одномъ направленіи равна ихъ суммѣ, величина дѣйствующихъ силъ подъ углами менѣе суммы и величина силъ дѣйствующихъ въ прямопротивоположномъ направленіи равна ихъ разности. Но въ мірѣ психическомъ, гдѣ силы равны и, можно сказать, дѣйствуютъ въ тождественномъ направленіи, не можетъ имѣть никакого значенія распредѣленіе ихъ въ пространствѣ. Предположеніе о значеніи такого размѣщенія здѣсь такъ же неудачно, какъ предположеніе о значеніи размѣщенія въ извѣстномъ «квартетѣ» Крылова. Пространственное взаимоотношеніе есть явленіе чисто формальнаго характера, и выводить изъ него личность еще менѣе разумно, чѣмъ выводить личность изъ движеній матеріи.

Но коренное заблужденіе излагаемой теоріи состоитъ въ томъ, что она допускаетъ возможность сліянія въ одно общее сознаніе нѣсколькихъ единичныхъ сознаній. Допускать это все равно, что допускать, что если соединятся вмѣстѣ Иванъ, Пётръ, Александръ и Василій, то изъ совокупности ихъ сознаній образуется новое сознаніе нѣкогого Николая, болѣе полное, высшее и совершенное. Разумѣется, мы можемъ представить себѣ, что если Иванъ и Пётръ дѣлали совмѣстно какую-либо работу, то вмѣсто нихъ можно представить себѣ дѣйствовавшимъ одно лицо, совершившимъ то же, что и они. Представить это можно, но за

всѣмъ тѣмъ тотъ фактъ, что Иванъ и Петръ во все время своей совмѣстной работы чувствовали каждый себя какъ отдѣльную единицу и что ихъ два «я» никакимъ образомъ не могутъ слиться въ одно общее и высшее «я», этотъ фактъ навсегда останется несомнѣннымъ. Сторонники теоріи психическаго атомизма излагаютъ теорію образованія общаго и высшаго «я» изъ многихъ маленькихъ «я» по аналогіи образованія въ механикѣ равнодѣйствующей силы изъ силъ составляющихъ. Еслибъ они вдумались въ эту аналогію, то увидѣли бы въ ней не опору, а опроверженіе своей теоріи. На самомъ дѣлѣ что называется въ механикѣ равнодѣйствующею силой? Это сила, которая, замѣнивъ собою дѣйствующія на извѣстное тѣло силы, произвела бы такой же результатъ, какъ и эти силы. Если на тѣло А дѣйствуютъ подъ различными углами силы Р, Q, S, T и т. д. и заставляютъ тѣло двигаться по линіи М N, то всегда мы можемъ представить себѣ нѣкую силу R, которая, замѣнивъ силы Р, Q, S, T, заставила бы тѣло А двигаться по линіи М N (исключеніе представляетъ случай съ такъ-называемыми парами силъ). Но, говоря о возможности такой замѣны, мы отлично понимаемъ, что когда силы Р, Q, S, T дѣйствовали, то онѣ дѣйствовали каждая самостоятельно и отдѣльно и вовсе не сливались въ какую-то новую, высшую и общую силу. Точно также если мы имѣемъ психическіе атомы а, b, с, d, e, f, дѣйствующіе совмѣстно, то оставляя въ сторонѣ вопросъ о результатѣ ихъ дѣятельности, мы необходимо мыслимъ каждый изъ атомовъ какъ обособленный, и для насъ ясно, что сознанія таковыхъ атомовъ, если у нихъ есть сознаніе,—никакимъ образомъ не могутъ слиться ни во что общее. Вообще, обособленные единицы могутъ сливаться въ одно цѣлое только въ субъективномъ представленіи, а не въ объективной дѣйствительности. Млечный путь *кажется*, но не есть одно цѣлое. Но такъ какъ наше самосознаніе есть дѣйствительность, а не явленіе, то мы и не можемъ допустить его образованія путемъ суммированія психическихъ атомовъ, не можемъ мы, слѣдовательно, и принять теоріи психическаго атомизма и выводовъ изъ этой теоріи относительно безсмертія души. Поэтому для рѣшенія занимающаго насъ вопроса о безсмертіи мы должны обратиться къ разсмотрѣнію иныхъ теорій сущности души. Обратимся къ теоріи пантеизма.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. Глаголевъ.